

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ ФОРУМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ «СОЧИНСКИЙ ДИАЛОГ»

Зальцбургский фестиваль, 1930 год.
Публика наблюдает за хороводом в одном из спектаклей

Фестиваль 2005 года.
Среди звезд «Трубадура» — Анна Нетребко в роли Леоноры

Как Зальцбург становится русским

В рамках празднования своего 100-летия Зальцбургский фестиваль примет встречу форума «Сочинский диалог».

Редактор отдела культуры газеты «Коммерсантъ» **Сергей Ходнев** о том, как складывались отношения со знаменитым фестивалем у царской России, Советского Союза, а теперь и у России новой, демократической.

Сергей Ходнев

Когда в 1920 году Макс Рейнхардт, Гуго фон Гофмансталь и Рихард Штраус провели первый Зальцбургский фестиваль, их начинание казалось безнадежной утопией. Идея-то превосходная, кто бы спорил: еще с конца XIX века, когда в баварском Байрейте процвел вагнеровский Festspiele, в Австрии раздавались голоса о необходимости устроить свой собственный летний фестиваль, большой и торжественный, и посвятить его Моцарту. А где же еще чествовать Моцарта, если не в его родном городе? Да, сам Моцарт Зальцбург, мягко говоря, недолюбливал, однако на это можно было закрыть глаза — не затевать же фестиваль в Вене, тут как раз вся идея состояла в том, чтобы приманить столичного меломана, который это время года все равно норовил провести подальше от мегаполиса.

Но в 1920-м все это представлялось просто несвоевременным. Австро-Венгерская империя развалилась, в новой республике жилось пока откровенно тяжело, а в том же Зальцбурге были элементарные перебои с продовольственным снабжением. До величия ли тут и до театральных свершений?

И, кажется, если кому в 1920-м и было дело до революционной инициативы Макса Рейнхардта и ком-

паний, то только не советской России. Здесь были великие театральные традиции и была абсолютно универсальная любовь к оперному искусству, здесь до революции внимательно отслеживали все самое интересное, что происходило в европейской музыке. Так, «Электра» того же Рихарда Штрауса впервые прозвучала в Петербурге еще в 1913-м — в последний счастливый год Российской империи, причем поставил оперу на сцене Мариинского театра не кто иной, как Всеволод Мейерхольд. Однако в год первого Зальцбургского фестиваля обстоятельство в России были не из тех, что благоприятны для муз: разлука, голод, тяготы военного коммунизма, Гражданская война.

И все-таки это было удивительное время. В 1920-е, кажется, везде хватало чувства упадка, но и воодушевления тоже, тревоги, но и невероятного оптимизма. Да, сейчас трудно, иногда просто-таки страшно, привычные координаты потеряны, и все равно есть надежда, что эту реальность можно теперь «пересобрать» в интересах всеобщего благополучия — как должна была раз и навсегда изменить жизнь народов к лучшему, скажем, Лига наций. Не все из этих надежд оправдались (где была та Лига наций в 1939-м?), но то, что казалось особенно нереалистичным, иногда сбывалось. Зальцбургскому фестивалю в самые первые годы действительно приходилось не просто, особенно когда в 1924-м его пришлось отменить вовсе из-за конфликта среди отцов-основателей (Рихард Штраус ушел с поста президента). Но затем дело постепенно пошло на лад. А в России, еле-еле оправившейся после революционной сумятицы, в 1920-е начинается настоящий бум нового искусства, затронувший и новую музыку. В Ленинграде ставили в это время и штраусовскую

«Саломею», и «Джонни наигрывает» Кшенека, и, наконец, «Воццека» Альбана Берга — его советская премьера состоялась даже раньше, чем премьера в Вене.

Так и получилось, что оперные музыканты из России стали первыми заграничными участниками Зальцбургского фестиваля. В 1928 году, когда у фестиваля появилась наконец та эмблема, которую он использует до сих пор (нарисованная Польди Войтеком стилизованная маска), с благословения наркома просвещения Анатолия Луначарского в Зальцбург отправилась Оперная студия Ленинградской консерватории. Студии в этот мо-

тиворечивыми — к концу десятилетия общественная атмосфера стужалась и в Австрии, и в Советском Союзе. В Зальцбурге фестиваль 1928 года порицали за то, что он представил сцену «еврейско-коммунистическому дурману». В России же те, кто стоял за прогрессивный культурный обмен с Европой, с конца 1920-х подвергались преследованиям за «космополитизм», «буржуазный формализм» и «антипролетарские тенденции».

С тех пор музыкальный театр в России и на Западе тоже был разделен железным занавесом, опустившимся на долгие десятилетия. Казалось, что положение начало ра-

оперных артистов отправляли в Милан на стажировки. В самой же России колоссальным событием, которое воспринималось чуть ли не как первый космический полет, стали первые гастроли «Ла Скала» в 1964-м — когда вместе с театром в Москву, кстати говоря, приехал и Герберт фон Караян, художественный руководитель Зальцбургского фестиваля в 1957–1989 годах.

И все-таки — в том числе и благодаря Караяну — контакты российского музыкального мира с Зальцбургом постепенно стали восстанавливаться. Правда, до поры до времени в основном в виде участия в фестивальных программах крупных советских музыкантов-инструменталистов: это и Эмиль Гилельс, и Святослав Рихтер, и Давид Ойстрах, и Мстислав Ростропович.

Но все радикально изменилось в постсоветские годы. Во-первых, открытие границ дало огромному количеству певцов и музыкантов выступать на Западе, не дожидаясь, как это было когда-то, разрешения ЦК КПСС и Минкульту. Так, в конце 1990-х и начале 2000-х именно Зальцбург оказался принципиально не важной точкой в мировой карьере Валерия Гергиева и оркестра Мариинского театра. А в 2002-м, спев на фестивале Донну Анну в моцартовском «Дон Жуане», молодая Анна Нетребко в одночасье превратилась в оперную суперзвезду, по которой фестивальная публика продолжает сходить с ума по сей день. Теперь уже редкий зальцбургский год обходится без того, чтобы та или иная персона именно из России не выглядела бы важной причиной успеха и славы очередной оперной постановки, будь то вокальные партии, триумфально спетые Евгенией Муравьевой («Леди Макбет Мценского уезда», 2017, и «Пиковая дама», 2018) и Еленой Стихиной («Медея», 2019)

или дирижерские работы Владимира Юровского («Воццека», 2017), покойного Мариса Янсонса («Леди Макбет Мценского уезда» и «Пиковая дама») и, наконец, Теодора Курентзиса («Милосердие Тита», 2017, и «Идомея», 2019), любовь к которому в нынешнем Зальцбурге принимает вид просто-таки экстагического.

Во-вторых, зальцбургские фестивальные залы стали точкой притяжения не только для российских артистов. Еще лет 15 назад зритель из России был в Зальцбурге редким явлением — таких были единицы, и то в основном критики. Сейчас же на старинной улице Хофштайгассе, которая во время летнего фестиваля становится огромным оперным фойе под открытым небом, все чаще слышна русская речь, а в общественном отношении Россия регулярно вырывается на одно из первых мест среди 80 стран, поставляющих Зальцбургу зрителей. «Оперный туризм» с посещением громких премьер или фестивалей стал обычным явлением — и теперь уже во главе угла не Милан, а австро-немецкие музыкальные центры: Берлин, Мюнхен, Байрейт, Вена и, естественно, Зальцбург.

Но теперешнее российское присутствие в Зальцбурге — это не только артисты и индивидуальные держатели билетов. Еще в 2013-м к компании меценатов, группирующих вокруг форума, присоединилось созданное Дмитрием Аксеновым Русское общество друзей Зальцбургского фестиваля. Теперь на очереди крупный корпоративный капитал — в этом году, например, в число фестивальных спонсоров уже вошел «Газпром». Тут уже не причуды меломании, а стратегическое взаимодействие, которое, похоже, становится привычным — хотя кто бы мог такое вообразить в 1928-м и тем более в 1920-м.

Принц на службе

При содействии «Сочинского диалога» книга экс-министра иностранных дел Австрии **Карин Кнайсль** «Принц Евгений» вышла в России. Ее обзор для «Д» сделала **Екатерина Данилова**.

Для дипломата любая строка — высказывание. Слишком велика сила слова для того, кто облечен властью взвешивать каждую букву — произнесенную и нет, каждую интонацию. Но стоит ли удивляться тому, что именно среди дипломатов столько писателей? И прекрасных — вот, кто умеет оттачивать смыслы и выражать максимально точно. Фонвизин, Батюшков, Грибоедов, Тютчев, конечно же, Алексей Толстой... Как бы потеряла литература, если б они только и корпели в Коллегии иностранных дел и составляли дипломатические отчеты! Да что далеко ходить. Стихи пишет действующий министр иностранных дел современ-

ной России. А недавно в издательстве «Аспект Пресс» при поддержке российско-австрийского форума общест-венности «Сочинский диалог» вышла книга экс-министра иностранных дел Австрии Карин Кнайсль «Принц Евгений». Да, да, той самой Карин Кнайсль, которая танцевала на своей свадьбе в Граце с российским президентом. Книга для детей, но...

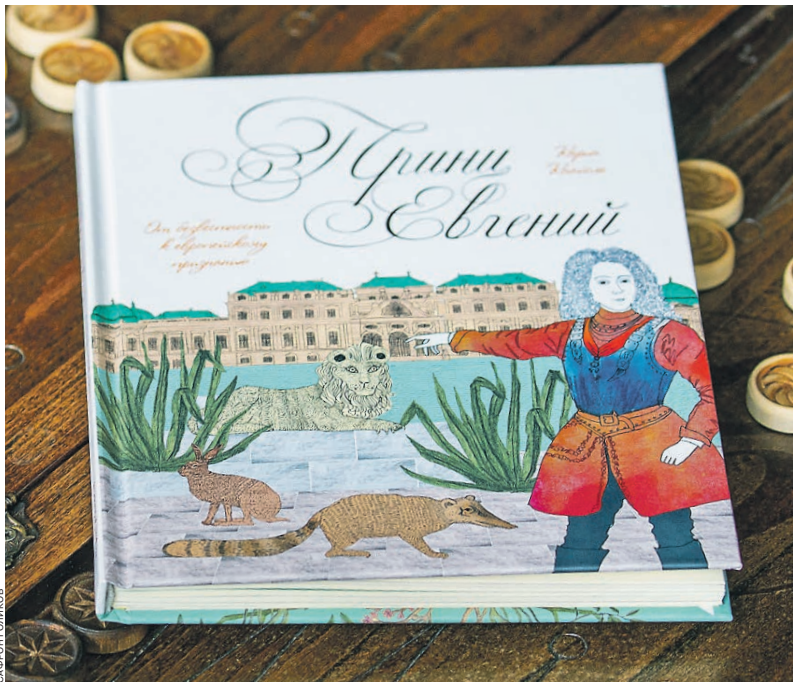
Подзаголовок — «От безвестности к европейскому признанию» — одновременно и загадка, и разгадка. Что важно в биографии Евгения Савойского, выдающегося военачальника и дипломата XVIII века, для того сложил Кнайсль? История успеха ничего и нелюбимого отпрыска знатного рода, который так и не

РОССИЯ РЕГУЛЯРНО ВЫРЫВАЕТСЯ НА ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ МЕСТ СРЕДИ СТРАН, ПОСТАВЛЯЮЩИХ ЗАЛЬЦБУРГУ ЗРИТЕЛЕЙ

мент уделяли массу внимания: она должна была стать передовым учебным заведением, готовившим оперных артистов принципиально нового склада. И в Зальцбурге ленинградцев приняли с максимальным почетом — они показали на фестивале «Бастьена и Бастьену» Моцарта, новую (1923) оперу Бернхарда Паумгартнера «Пещера Саламанки» и два русских произведения: «Каменного гостя» Даргомыжского и «Южее Бессмертного» Римского-Корсакова. Именно с этого момента зальцбургский музыкальный форум, как когда-то и задумывалось, стал по-настоящему международным.

Увы, в тот момент итоги гастролей ленинградцев оказались про-

дикально меняться при Хрущеве, когда проведение Международного фестиваля молодежи и студентов (1957), первого Международного конкурса имени Чайковского (1958) и первого Московского международного кинофестиваля (1959) продемонстрировало невиданную открытость советского государства. Однако с этого времени приоритетной точкой на оперной карте мира для широкого круга советских меломанов на многие годы стал не Зальцбург, а Милан. Большой театр и «Ла Скала» заключили соглашение о сотрудничестве, после которого главный театр СССР выезжал с гастролями на самую легендарную сцену Италии, а советских

вырос выше 154 см? Назидание для юного читателя — вот с кого надо делать жизнь? Дипломатические заветы выдающегося дипломата? Жесто-

кие уроки жизни, которые получал он — и при родном французском дворе, откуда, отвергнутый Людовиком XIV бежал в Австрию, и при

австрийском, который, кроме как «зменной ямой», и не назовешь, и выводы, которые сделал?

Книга настолько проста, чтобы быть прочитанной ребенком, и настолько сложна, чтобы любой взрослый, задумывающийся об устройстве мира, мог найти здесь ответы на сложные вопросы. Мало того, ее, безусловно, можно читать и как учебник по современной дипломатии.

«Дипломатия», — пишет госпожа Кнайсль, — это искусство идти на выгодные компромиссы, то есть находить точку соприкосновения разных мнений таким образом, чтобы ни один человек из участвующих в этом процессе не потерял лицо». Или: «Евгений на переговорах не затрагивал религию. Он говорил лишь о том, что было необходимо, а именно — о достижении мира». Или об императоре Австрии Иосифе I: «Он был жизнерадостным человеком, который прекрасно чувствовал людей, умел выделять главное и разбирался в политике. Такие личности в большинстве случаев становятся прекрасными политическими деятелями, поскольку они любят жизнь».

Но, конечно, книга не только о политике. А также о том, как Вена стала кофейной столицей (это, кстати, наследие Османов, с которыми так ожесточенно воевал принц Савойский), и об истории великолепного Бельведера — его Евгений построил для себя, и только спустя годы дворец был приобретен Габсбургами, и об удивительной дружбе между Евгением Савойским и его львом — тот умер в ту же ночь, когда скончался принц.

Закрыв книгу, хочется воскликнуть: «Автор, пиши еще!» Известно, что госпожа Кнайсль провела детство в Амоне, где ее отец был личным пилотом короля Хуссейна. В Вене она изучала право и ближневосточные языки, училась в Еврейском университете Иерусалима и Национальной школе администрации во Франции. Ее докторская — о соотношении международного права и концепции границ на Ближнем Востоке. Вот уж чьи мемуары было бы интересно почитать! Тем более, сдается, и в этой предполагаемой книге мы бы обнаружили уроки «маленького принца».